

Глава 7: Краткий Вздох Героини.

В раздевалке спортзала Восточного кампуса, которая служила временным командным пунктом роты, впервые было так многолюдно. В комнате площадью не более двадцати квадратных метров собралось с десятков человек. Несмотря на тесноту, сценарий, разыгрывающийся внутри, был предрешён с самого начала: независимо от объяснений Сюй Вэй, лицо командира роты (Ляньчжана) за столом оставалось багровым. Лін Ці за всё время произнесла не больше пяти предложений. Как девушка, она имела явное преимущество при расследовании подобного инцидента; большую часть времени она просто хладнокровно наблюдала, погруженная в свои мысли.

Почему я была такой неосторожной?

Лін Ці немного сожалела о том, что выставила напоказ свои боевые навыки на глазах у всех. В этом незнакомом мире ей следовало быть более сдержанной, чтобы сохранить чувство безопасности. Но когда она повернула голову и посмотрела на Цзинь Яньли́н, то мгновенно почувствовала, что все её действия были оправданы. Да, ради её защиты всё это стоило того!

Другие девушки из 309-й не были так спокойны. Они наперебой защищали Лін Ці. Сюй Вэй был представлен как откровенный подонок, домогавшийся «порядочной девушки». Солидарность соседок вызвала у Лін Ці волну тепла, и она окончательно перестала переживать о том, было ли её действие импульсивным.

Вскоре были объявлены решения армейского командования и университета. Сюй Вэй был дисквалифицирован как инструктор за нарушение воинского устава и немедленно отправлен обратно в свою часть для дальнейшего наказания. Лін Ці получила предупреждение за участие в драке и была лишена права претендовать на стипендию в первом учебном году. Было очевидно, что гнев Ляньчжана был вызван вовсе не тем, что Сюй Вэй спровоцировал конфликт между военным и гражданским населением, домогаясь девушки, а тем, что его солдат не смог одолеть даже обычную студентку...

Декан по учебной части, поправляя свои очки, толстые, как донышки пивных бутылок, объявил о наказании Лін Ці, а затем, пока ждал звонка о школьном автобусе, принялся ей надоедливо втолковывать: мол, девушки должны быть скромными и избегать драк; что инструкторы тратят своё время на их военную подготовку, и к ним нужно относиться с уважением, и так далее. От этого Лін Ці едва не заснула. Увидев подъехавший школьный автобус, она поспешно изобразила, как ей показалось, самую лучезарную и милую улыбку, заверив, что обязательно извлечёт урок из произошедшего. Затем она приказала своим соседям по общежитию поскорее затащить её в автобус и сбежать от этого «болтливового монаха Тан-Сэна».

Чтобы доиграть роль до конца, Лін Ці изображала хромающую, еле передвигающуюся девушку на всём пути: от армейского джипа до высадки из школьного автобуса и возвращения в общежитие. Её изначально миловидная внешность вызвала немало сочувствия. Однако, едва вернувшись в комнату, она тут же показала своё истинное лицо: не раздеваясь, плюхнулась на кровать лицом вниз, чем вызвала нервную усмешку у троих соседок.

— А-Ці, как твоя нога? Вот, у меня есть бутылочка Хунхуаю (Масла Красного Цветка), натри сразу, — Ван Сысюань достала из шкафчика стеклянный флакон с тёмно-красной жидкостью и протянула Лін Ці.

Лениво вытянув руку с кровати, девушка взяла флакон. Её голос, приглушённый подушкой,

звучал нечётко:

— Сысюа́нь, Чэ́н Цзю́нь, вам обеим лучше поскорее вернуться к тренировкам. Нам с Яньли́н Декан разрешил только три дня отгула. Если вы задержитесь, вам запишут прогул.

— Пф, у тебя нога синяя, а ты переживаешь, прогуляем мы или нет! — Чэ́н Цзю́нь надула губы.
— И Яньли́н, ты сама можешь о себе позаботиться? У тебя было такое ужасное лицо...

Цзинь Яньли́н, отдылавшая в кресле, приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, но с противоположной кровати донёлся невнятный, но не терпящий возражений голос:

— С ней всё в порядке, просто немного солнечный удар. Вы двое, идите скорее тренироваться! И не забудьте принести мне обед: хочу Свинину, дважды обжаренную и Тофу Мапо! Деньги верну позже!

Ва́н Сысюа́нь расхохоталась, услышав это:

— Ты только что подралась, а уже думаешь о еде! Ладно, сегодня ты принесла нашей комнате честь, так что этот обед за счёт твоей старшей сестры (себя)! — Затем длинноволосая девушка заглушила нестройные возгласы радости с кровати, дала ещё несколько наставлений Цзинь Яньли́н и потянула Чэ́н Цзю́нь из комнаты.

Убедившись, что двери закрылись, и шаги девушек стихли вдали, Ли́н Ци́ перевернулась и села, глядя на сидящую напротив девушку. Цзинь Яньли́н почувствовала, что в её взгляде, помимо беспокойства, была какая-то странная нежность, и невольно поправила позу:

— А-Ци́, откуда ты знаешь, что у меня светочувствительный дерматит (солнечная аллергия)?

— Просто угадала. Я видела подобные симптомы раньше, — Ли́н Ци́ поджала губы, не в силах придумать логичное объяснение, и солгала, прикрываясь наглой невозмутимостью.

— Вот как? Спасибо, что выручила меня сегодня. Но ты так импульсивно заступилась за меня, это было слишком рискованно, — Цзинь Яньли́н посмотрела на Ли́н Ци́, которая сняла жёсткие и недышащие камуфляжные брюки. Синяк на её белоснежной, стройной ноге был очень заметен.

Ли́н Ци́ же, не обращая на это внимания, открутила крышку Хунхуаю и твёрдо сказала:

— Я не могу смотреть, как тебя кто-то обижает! Особенно когда посмели распускать руки!

Услышав это, Цзинь Яньли́н почувствовала тепло в груди. Она взобралась по лестнице к кровати Ли́н Ци́, и её голос стал необычайно нежным:

— Прости, что из-за меня ты пострадала... — Говоря это, она положила раненую левую ногу Ли́н Ци́ себе на колени. Её чистые глаза были полны извинения и сочувствия. Тело Ли́н Ци́ мгновенно оцепенело, и сердце забилося бешено. Очнувшись, она обнаружила, что Хунхуаю уже переключало в руки Цзинь Яньли́н, и изящная маленькая ладонь наносила лекарство на место ушиба.

Глядя на профиль своей возлюбленной из прошлой жизни, Ли́н Ци́ больше не могла сдерживать своих чувств. Она резко притянула Цзинь Яньли́н к себе, и несколько кристальных капель навернулись на её глазах:

— Не волнуйся, я всегда буду тебя защищать...

Цзинь Яньли́н вздрогнула, услышав этот шёпот, и покорно прислонила щёку к плечу Ли́н Ци́. Она обнаружила, что эта высокая девушка, которую она знала всего несколько дней, даёт ей такое чувство безопасности, какое не мог дать ни один парень.

Однако две змеи мамы в сердце Ли́н Ци́ сплелись ещё туже, вызывая разрывающую боль.

К обеду они получили не только вкусный обед, который принесла Ван Сысюа́нь, но и множество сообщений и сплетен от однокурсников. Благодаря своему «взрывному» выступлению утром, Ли́н Ци́ «прославилась в одном бою». По всему Юридическому факультету и даже другим факультетам кампуса распространились истории об этой необычной девушке, которая уложила инструктора в несколько приёмов. Некоторые даже приукрасили историю, превратив её в настоящий «миф о Женщине-Воине»...

Восторженное, яркое описание Ван Сысюа́нь и Чэ́н Цзюнь заставило лицо Ли́н Ци́ скривиться от горечи. Изначально, из-за её особой души, Ли́н Ци́ следовало вести себя тихо и незаметно, но, увидев, как Цзинь Яньли́н обижают, она напрочь забыла об осторожности. Теперь она, даже не желая того, прославилась. И кто знает, какой переполох может возникнуть, если слухи о её неадекватном поведении дойдут до её родителей.

Не зря говорят: «Помяни чёрта, он тут как тут». Пока Ли́н Ци́ была погружена в переживания, её телефон Samsung U608 заиграл весёлую мелодию. Увидев на дисплее устрашающие слова «Императрица-мать», она содрогнулась. Быстро продумав план экстренного реагирования, Ли́н Ци́ ответила на звонок. Слава богу, её мать, Гу́ Шүсянь, ещё не знала о её «выходке» в школе. После взаимных слов о том, как они скучают и как ей важно беречь себя, мать напомнила Ли́н Ци́ о посылке, которую ей должны доставить во второй половине дня. По словам Гу́ Шүсянь, посылка была тщательно упакована и отправлена через водителя Ли́н Лу́на (отца), содержала она различные важные вещи, которые Ли́н Ци́ не успела взять с собой в прошлый раз.

После обеда, истощённые физически и морально, Ли́н Ци́ и Цзинь Яньли́н быстро погрузились в сон. Когда Ли́н Ци́ проснулась, было уже за четыре часа дня. Боясь разбудить Цзинь Яньли́н, она на цыпочках прокралась на балкон, чтобы умыться, но тут U608 снова запел, и Ли́н Ци́ захотелось выбросить его из окна... Оказалось, водитель её «старого пня» (отца) уже привёз груз к воротам общежития. Ли́н Ци́ с досадой взглянула на Цзинь Яньли́н, которая уже проснулась и тёрла глаза, наспех накинула спортивную куртку поверх ночной рубашки и побежала вниз.

Молодой водитель, очевидно, был шокирован ленивым и слегка сексуальным нарядом девушки. Он не осмелился посмотреть в глаза дочери своего начальника ни разу, просто быстро передал товар, заодно сообщив «устное распоряжение Императрицы-матери», и бросился наутёк. Ли́н Ци́ недоумённо смотрела на спешащую прочь спину водителя, которого раньше называла «Старший брат Чжан».

Когда она распаковывала посылку, Цзинь Яньли́н уже сидела на кровати, смущённо наблюдая, как Ли́н Ци́ достаёт из коробки одну вещь за другой.

— Зачем мне столько закусок? Я же не люблю их... — Ли́н Ци́ нахмурилась, вываливая на стол всевозможные упакованные в вакуум утиные шеи, сушёный тофу и вафли.

— Согревающий Имбирный Чай? Кто вообще будет заваривать это? Я же не пью чай...

— Грелка? Только сумасшедший станет использовать её в такую жару!

— Коричневый сахар? В общежитии нет плиты, я из него Свиные ножки в соусе не сварю!

Девушка продолжала бормотать себе под нос, а на лбу выступали всё более крупные капли пота. Цзинь Яньли́н, глядя на выброшенные ею вещи, почувствовала лёгкое веселье:

— А-Ци́, тебе, должно быть, очень больно в те самые дни, да? Твоя мама так заботливо подготовилась!

— Те самые? Какие именно? — Ли́н Ци́ подняла только что извлечённый из коробки ноутбук, и на её лице, наконец, появилось выражение радости.

— Да наш ежемесячный хороший друг, хватит притворяться! — Цзинь Яньли́н игриво пожурила её.

Ли́н Ци́ обернулась и с сомнением посмотрела на Цзинь Яньли́н. Внезапно в её сознании взорвался один термин, и лицо девушки моментально пошло пятнами: от красного к белому, от белого к зелёному...

С момента моего перерождения прошло почти три недели. Если это полноценное женское тело будет поддерживать тренировки, его физиологический цикл должен быть довольно стабильным, то есть... то есть...!!

С самым странным выражением лица Ли́н Ци́ сорвалась с места и, как вихрь, вылетела из общежития, а затем, так же быстро вернулась обратно. Она молча сменила ночную рубашку на уличную одежду и вновь, как вихрь, вылетела за дверь. Цзинь Яньли́н в общежитии уже держалась за живот, смеясь так, что не могла выпрямиться.

«Абсурд! Ерунда! Немыслимо!» — Ли́н Ци́ стремглав неслась к супермаркету возле Западной столовой, её разум был забит этими гневными, сбивающими с толку словами. Она даже не обратила внимания на толпу первокурсников в супермаркете, которые закончили свою военную подготовку. Как воровка, она проскользнула к прилавку с женскими средствами гигиены, и при виде изобилия прокладок на полках её губы снова дрогнули...

«Седьмое Измерение»? Разве не «Восьмое Измерение»? Когда это Whisper выпустил такое? Разве они не продают мыло? Ах, нет, это Safeguard. Ещё и дневное использование, ночное использование, удлинённая версия! Почему бы сразу не выпустить театральную версию?

Постепенно голова Ли́н Ци́ превратилась в «комочек клейстера» (кашу). Она судорожно схватила несколько пачек с названиями, которые, казалось, когда-то слышала в рекламе, и, «намазав пятки маслом» (поспешив), захотела как можно быстрее сбежать из этого «безумного места».

Сжимая в руках предметы, которые казались горячее только что испечённого батáта, Ли́н Ци́ не смела поднять голову, боясь, что её узнают. Слепо свернув за угол, она вдруг почувствовала, что что-то не так! Когда она опомнилась, то уже насмерть врезалась в стену. Упав навзничь, она обнаружила, что содержимое её маленького пакета рассыпалось по полу. Подняв глаза, она поняла, что врезалась не в стену, а в очень высокого... человека.
